

СВЕЧА, ЗАЖАТАЯ В ЛАДОНЯХ
(ПАСХА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

А.Н. ТАБАЛА, учащийся 11 класса
*ГУО «Огаревичская средняя школа
Ганцевичского района»,
пономарь храма великого равноапостольного князя Вла-
димира д. Огаревичи
Ганцевичского благочиния*

1941! Самый светлый, самый летний день в году,
Самый длинный день Земли – двадцать второго.
Спали дети. Зрели яблоки в саду.
Вспоминаем, вспоминаем это снова.
Вспоминаем эту ночь – и в этот час –
Взрыв, что солнце погасил в крошечном гуде...
Сквозь повязки неумелые сочась,
Кровь народа заалела в том июне.
Шаг за шагом вспоминаем, день за днем,
Взрыв за взрывом, смерть за смертью, боль за болью ...
Год за годом, опаленные огнем,
Год за годом, истекающие кровью.
М. Луконин

Зажжем свечу памяти, скорби и жизни. Есть ли в нашем календаре праздник более яркий и радостный, чем Пасха, Воскресение Христово, который празднуется 40 дней? Милостью Божией наши соотечественники выражают пасхальную радость открыто и повсеместно. В городах и селах плывет по воздуху колокольный звон, храмы полны нарядно одетыми людьми, столы в домах ломятся от угощений. Радость выплескивается на улицы. Спроси прохожего: «Что вы такой счастливый?» - он ответит: «Так Пасха же! Христос Воскресе!»

Помним ли мы, знаем ли мы, что когда-то было не так? Что Пасха праздновалась при закрытых окнах и опущенных шторах, что приветствовали друг друга вполголоса, что не всегда было крашеное яйцо, а на разговенья предлагали кра-

юху черного хлеба? Какое же это было время? Это была война!

Вот-вот исполнится 75 лет с того страшного и незабываемого дня, когда распахнулись огромные, от Балтийского до Баренцева моря двери войны. Много воды унесла река времени. Заросли шрамы окопов, исчезли пепелища сожженных городов и сел, выросли новые поколения. Но в памяти человеческой 22-е июня осталось не просто как роковая дата, но и как рубеж, начало отсчета долгих дней и ночей Великой Отечественной войны, отклики которой снова и снова оживают в памятниках и обелисках, в произведениях литературы и искусства. Какими трудными были те дороги войны!..

Вдумаемся в цифры: «От Бреста до Москвы – 1000 км. От Москвы до Берлина – 1600 км. Всего 2600 км... Поездом – четверо суток, самолетом – четыре часа. А дорогами войны... ЧЕТЫРЕ ГОДА! Это 1418 дней и ночей! 34000 часов! И более 27 миллионов погибших людей... Если по каждому из них объявить минуту молчания, то страна будет молчать ... 43 года.

Мы просто не имеем права в повседневных хлопотах, в радости событий и горечи неудач забывать тех, кто дал нам возможность жить. Памяти павших будем достойны!

Я зарастаю памятью, как лесом зарастает пустошь.
И птицы-память по утрам поют,
И ветер-память по ночам гудит,
Деревья-память целый день лепечут.
Но в памяти моей такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит ...
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может.

Первые, самые жестокие, самые тяжелые дни войны были днями нашего унижения. Коварный враг был силен и безжалостен, перед его зверствами меркли былинные ужасы татаро-монгольского нашествия. Но народ встал на его пути, сплотился и м-у-ж-е-с-т-в-е-н-н-о защищал Родину.

Готовясь к празднованию 75-летия Великой Победы, каждый человек душой пытается прикоснуться к тому Подвигу, понять его и принять. Какую силу имеют слова «память», «подвиг», «война», «отечество», «победа» в понимании юного поколения? Благодаря этим «символам» войны, которые всегда напоминают нам о ней, память о войне не угасает в людских душах.

Для солдата, где бы он ни воевал, ни голодал, ни мерз, война была войной, и каждый день ее был длиннее многих жизней. Кто они, бойцы и командиры, ударившие по врагу вштыковую в четыре часа утра? Мы никогда не узнаем их имен, о них осталась только память ...

Кто расскажет о первом и последнем бое застав Брестской крепости?.. Кто откроет тайну безымянных лесных могил между Гродно и Могилевом, Ганцевичами и Хотыничами? О них осталась только память.

«Фашистский оккупационный режим держался на штыках вермахта, охранной полиции, карательных службах. Они организовывали карательные операции против партизан и населения, вывозили трудоспособное население на принудительные работы в Германию. Из Ганцевичского района было вывезено 505 человек: из Огаревичского сельсовета – 102 человека, Любашевского – 60, Мальковичского – 79 человек и т. д. карательные операции стали средством уничтожения населения района. Людей убивали, расстреливали, вешали, жгли вместе с деревнями. В деревне Задубье Мальковичского сельсовета каратели сожгли 149 дворов и в них 49 человек; в деревне Хотыничы – 130 дворов и в них 73 человека. Такая же судьба и у деревень Святица, Маково, Чудин. Деревня Задубье увековечена в мемориальный комплекс «Хатынь». За три года гитлеровской оккупации в районе погибло 8725 человек – четвертая часть его населения. Среди них женщин – 1617, детей – 863, военнопленных – 836. Около тысячи жителей Ганцевщины погибло, сражаясь с немецко-фашистскими захватчиками на фронтах (858 человек), в партизанах, в подполье.

Среди поистине Великого поста, который нес народ четыре года, с 1941 по 1945 год, церковные праздники, в осо-

бенности Пасха, светили, как крохотные огоньки во мраке, как зажатые в ладонях свечи.

Враги нашего Отечества сами подписали себе приговор, начав войну в день Всех Святых, в земле Российской просиявших. Церковь земная тогда объединилась с Церковью небесной в молитве перед престолом Божиим о спасении Родины. Именно тогда, в годы жесточайших битв, страданий, потерь и разрушений, на нашей земле началось «воскресение» Православной Церкви, народ стал возвращаться к вере. Время сделало свой выбор. Без веры пережить беду войны было невозможно.

Как в настоящее время в каждом храме Православной Церкви на Литургии молятся священники со приходом о жителях Украины, которые в тяжелых испытаниях самоотверженно пытаются преодолеть междоусобную брань и водворить мир на своей земле, так в августе 1941 года святитель Афанасий составляет молебное пение об Отечестве, исполненное глубокого покаяния и необычайной молитвенной силы, обнимающее все стороны жизни Отечества и сынов его, в котором отразился крик души: «Господи Боже наш ... не до конца прогневайся на нас!.. Пощади, пощади Отечество наше и весь народ и помилуй ...»

Монаха Леонтия сослали из Почаева в тайгу в деревушку Татаринское. Он же ушел в затворничество: в сорока километрах от деревни сделал себе келейку – избушку три на четыре метра, без окон, только с маленькой дверцей, через которую он заползал на коленках – и молился там, как в скиту. Питался ягодами, грибами, кедровыми орехами, картошку в тайге сажал. Молился усердно, чтобы наша армия победила, чтобы наступил мир.

Гитлер не стремился к возрождению Русской Православной Церкви. 11 апреля 1942 года он говорил: «... каждая деревня должна быть превращена в независимую секту, почитала бы Бога по-своему...» Понятно, надо было разъединить людей, расколоть – так легче уничтожать. А в бюллетене полиции и СД в сентябре 1942 года говорилось: «Церкви переполнены молящимися. Священники имеют так много дел, что едва с ними справляются, число участников и де-

тей, которых крестят, поразительно большое. Верующие с усердием и самопожертвованием заботятся о ремонте и убранстве церквей. Священные предметы возвращаются в церковь. Церковные песнопения не забыты и поэтому во всех приходах создаются церковные хоры... Родители охотно доверяют своих детей священникам для религиозного образования». Священнослужители исполняли свой пастырский долг на оккупированной территории в сложнейшей обстановке, практически каждый день рискуя жизнью.

Святитель Тихон Задонский говорил: «Смотри, христианин! Будь только Божий, а Бог не оставит своих... И где бы ты ни был, в какой бы скорби и искушении ни находился, Он с тобой, и смотрит на твой подвиг, и невидимой рукой укрепляет тебя, и помогает тебе. И даже если все злые люди восстанут на тебя и бесовские полки окружают тебя, они ничего не сумеют».

Свято-Успенский Жировичский ставропигиальный мужской монастырь. Рассказ о том, как «Русская Мадонна» выдворила немцев из храма.

Из рассказа Михаила Свидетелева, командира артиллеристов: «Я в годы юности стал отдаляться от веры. Прозрел тогда, когда немцы разбили мою батарею, и с восемью бойцами ночью вышли в станицу, где нас накормила и напоила добрая русская женщина. Она крестилась и плакала. Я смотрел на образ Христа Спасителя. Он был живым, освещался голубой лампадкой... В чужой избе я душой ощутил присутствие Бога, Которого забыл в годы атеизма. Мне вдруг стало ясно, за какие грехи наказан наш народ Богом! За отступничество от Бога, от веры, от святынь, от традиций, от всего духовного, на чем держалась страна. Я не мог оторвать взгляда от образа Христа Спасителя, и душу мою охватила безысходная тоска».

Александр Зацепя, 1944 г. Стихи, найденные в кармане убитого солдата. «Послушай, Бог ... Еще ни разу в жизни с Тобой не говорил я ...»

Немцы довольно скоро увидели, что большие массы народа, особенно крестьян, остались верны православной вере. Сохранялась вера православная и память о православных

праздниках не только в окопах и на передовой. Вспоминает вдова комадующего артиллерией 1-го Белорусского фронта генерал-полковника В.И.Казакова: «Накануне Пасхи (в тот год она была 16 апреля) Василий Иванович попросил меня зайти к нему в штаб фронта. Пройдя охрану, я вошла в столовую для комсостава и глазам своим не верю – на столе лежат кучечки крашеных пасхальных яиц! Для каждого из руководителей фронта – отдельная. Он спрашивает: «А ты знаешь, что завтра Пасха?» Отвечаю: «Да, знаю (в моем подразделении был верующий человек, он всегда и сообщал о грядущих церковных праздниках)». Все зависело от отношения к церковным праздникам генералов, входящих в состав командования фронта.

Из воспоминаний дочери Главного маршала авиации Александра Голованова: «Бабушка была очень набожной. Она говорила, что готова была целовать руки зятя (генерала), что разрешил держать в доме иконы, что в те годы было не просто. Нас, детей, крестили таясь, не записывая в церковную книгу. В доме очень любили светлый праздник Пасхи, когда на столе появлялись куличи и крашеные яйца. Первый кусок всегда предназначался отцу ... Он говорил: «Вот как интересно, обрати внимание. Кусочек кулича может пролежать месяц, год, два, и ничего с ним не делается. Отчего бы это?» Этот вопрос для меня долго оставался открытым».

Еще один эпизод. Пасха 1943. Светлое Христово Воскресение выпало в том году на 25 апреля. Службу немцы запретили. Освящение куличей священник провел до наступления темноты. Куличи, испеченные из кукурузной муки и муки, смелотой из горелой пшеницы, которой прихожане запаслись со сгоревшей мельницы, и снедь, которую смогли собрать, святили в лучах заходящего солнца. Всенощная началась на рассвете, с окончанием комендантского часа. Непрерывно шел бой, грохотало со всех сторон, рвались снаряды. Но в округе церкви было спокойно. Мирно было и в сердцах людей. Верили: наши не допустят обстрела в праздничный день. Расходились по домам нехотя, не торопясь.

Пасхальный хлеб. Протоиерей Анатолий Правдолюб пережил многое. Помнится ему один фронтовой эпизод:

«Была Пасха. Каждому из нас выдали положенную пайку хлеба. Я с детства участвовал в богослужении. По памяти стал произносить слова Пасхальной службы. На пайке хлеба ножом изобразил крест и буквы ХВ. Когда моя «служба» завершилась, солдаты стали просить этот хлеб, а я им говорю: «Вы такой же получили». А они в ответ: «Нет, у нас-то хлеб, а у тебя – пасха!» тогда я раздал каждому просившему по кусочку, а они мне каждый – по кусочку от своей пайки».

«Ныне и не представляет никто, что такое блокада и какова была блокадная Пасха. Блокада – это все условия для смерти, только для смерти, а для жизни ничего нет – ни продуктов питания, ни одежды – ничего. Так мы травой питались – хлеб делали из травы. По ночам косили траву, сушили ее, как для скота. Нашли какую-то мельницу, привозили туда траву в мешках, мололи – вот и получалась травяная мука. Из этой муки пекли хлеб. Принесут буханку – одну на 7-8 солдат. «Ну, кто будет разрезать? Иван? Давай, Иван, режь!» Ну и суп давали – из сушеной картошки и сушеной свеколки – это первое. А на второе – не поймешь, что там: какая-то заварка на травах ну, коровы едят, овечки едят, лошади едят – они же здоровые, сильные. Вот и мы питались травой – даже досыта. Такая у нас столовая была травяная. Вы представьте: и на Пасху – одна травяная булочка на восьмерых. Вкусней, чем шоколадка, тот хлебушек для нас был».

Как проходила праздничная Литургия. Ранним утром, едва забрезжил рассвет, жители потянулись к церкви. Фронт погрохатывал как обычно, ветер доносил автоматные и пулеметные очереди. Но за долгие месяцы к этому привыкли. В храм входили со смирением и кротостью, перед иконами теплились лампы. От них освещались лики святых. Прихожане располагались группами, поближе к знакомым, родственникам. Вошли четверо немецких солдат в зеленой форме, но без оружия. Сняли пилотки, с любопытством оглядываются, тихо переговариваются. На них никто не обращает внимания. Недолго постояли, посмотрели и удалились.

Люди совершают молитву истово, сосредоточенно, на лицах женщин слезы: все они пришли сюда с болью и надеждой. С крестным ходом вокруг храма идут только духовен-

ство и служители с хоругвями. Народ попросили от участия в крестном ходе воздержаться. Вот звучит ликующий голос священника: «Христос Воскресе!» «Воистину Воскресе!» - в едином порыве подхватывают все. Прихожане на какой-то момент забыли свои боли и горести. Радость и ликование овладели всеми. И вдруг – обстрел!.. Первый снаряд ударил поблизости, второй, сделав перелет, разорвался за церковью, третий ... Народ заволновался, хор умолк, люди сгрудились в плотную. И тут прозвучал громкий и спокойный голос священника: «Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу!..» Люди замерли. В какой-то миг они поняли, что священник не намерен прекращать пасхальную службу и что их долг, долг верующих, остаться в храме. И они бросили вызов смерти. Снаряды падали у стен, попадали в стены. Храм сотрясался. Опять зазвенело разбитое стекло, гасли свечи, лампы. Запахло гарью.

Пали на колени, молились горячо – все слилось в одну-единую огромную душу, для которой разрешение и смерть на земле стали второстепенным, далеким. Оно ничего не значило сейчас перед лицом вечной жизни, вечного мира.

...Вот такой она была – Пасха войны, когда праздновалась победа жизни над смертью.

Слова «Церковь нашу отстояли белые платочки» звучали не раз – речь идет о платочках, покрывавших головы церковных прихожанок эпохи богоборчества, военного лихолетия. В белых платочках – символах чистоты и верности ждали матери своих сыновей с войны, невесты женихов, жены мужей. «Белые платочки» - это бабушки, матери, сестры, дочери, которые молили всемилостивого Бога о спасении на войне родных своих. Этот подвиг был многолетний и прикровенный, это было великое стояние пред Богом, творимое женщинами в долгие годы войны. Даже письма с войны – белые треугольники – тоже символы платочков надежды и добрых вестей. Горячая вера их пламенных сердец согревала остывающий мир.

Как праздновалась Пасха в тот далекий 45-й, мы узнаем из воспоминаний родных.

Зинаида Васильевна Суботина, Валентина Иосифовна Винник (их рассказы в записи).

Слайд-видео «Пасха пришла... Г. Жуков».

Пасха пришла на 6 мая 1945 года. Этот день был днем памяти святого Георгия Победоносца. Это были именины Маршала Победы – Георгия Жукова. Разве случайно, что Пасха пришла в день его памяти? Символично было начало войны – в день Всех Святых, в земле Российской просиявших, и столь же символична Победа в дни Пасхи.

«Христос Воскресе из мертвых смертью смертью поправ...» - пели во всех церквях. Еще одна попытка уничтожить христианство не удалась. Поэтому Пасха 45-го – это радость жизни, что остался жив; это возрожденная Церковь; это значит, что Господь принял и освятил все жертвы, принесенные народом; это светлая память всех на поле брани убиенных, потому что у Бога все живы.

Пасха 45-го – Победа! Ликовали Небо и Земля,
Возвращались прадеды и деды с той войны, закончилась она...
Как светились радостью их лица! – Победителями шли домой...
И летела Светлая седмица над освобожденною землей.

Чтоб снова на земной планете не повторялось той войны,
Нам нужно, чтоб все люди, дети об этом помнили, как мы!
Я не напрасно беспокоюсь, чтоб не забылась та война:
Ведь эта память – наша совесть, она как сила нам нужна...

Список источников литературы

1. Благодать. Вера. Надежда. Любовь. - Мн.: РекАрт.-33с.: ил.
2. Васильева М. Свеча, зажата в ладонях /Текст/ Марина Васильева//Православная газета.-2006.- № 11.-с.13.
3. Спаси и сохрани: Свидетельства очевидцев о милости и помощи Божией России в Великую Отечественную войну/Автор-составитель Фарберов А.И.-М.: Ковчег, 2010.-384с. -3 изд. доп.
4. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Ганцавіцкага р-на.- Мн.: БЕЛТА, 1999.-477с.
5. Криницын Б. Пасха 1945 года /Электронный ресурс/: докум. Фильм/ Борис Криницын// Режим доступа: <http://pravos.blogspot.com/2011/03/1945-19411945.html>.- дата доступа: 03.04.2015.